

Образованный человек — это бездельник, убивающий время на познание. Берегитесь его ложного знания; оно еще опаснее невежества.

Джордж Бернард Шоу

Этот роман был навеян личным опытом автора по воспитанию ребенка, страдающего эпилепсией. Вообразив себя живущей веком раньше, в эпоху, когда верили в ущербную науку, а сама эта эпоха была сформирована ксенофобией, предрассудками и страхом, автор надеется привлечь внимание к подходам и клише, которые живы и по сей день и продолжают влиять на наше общество и язык.

Часть первая

Июль
1928 года

ГЛАВА 1

Элино́р

Мейбл крепко держится за руку Элино́р. Их рессорная двуколка быстро катится по проселочной дороге. Из-под копыт Дилли в знойный июльский воздух взлетают облачка пыли. По обеим сторонам дороги, словно часовые, стоят деревья. Их ветви нависают над дорогой и изгибаются подобно аркам собора, образуя прохладный зеленый купол, который защищает маленького пони и сидящих в двуколке от нещадного послеполуденного солнца.

— Быстрее! — хихикает Мейбл, глядя сияющими глазами на мать. — Пусть Дилли бежит быстрее!

Девочка оглядывается на дорогу и весело смеется. Ей нравится, что ветер играет ее локонами, почти прозрачными на солнце, а сама она возбужденно подпрыгивает на сиденье рядом с матерью.

Элино́р натягивает поводья. Те похрустывают. Ветер доносит слабый запах конского пота. Для такой жары пони бежит достаточно резво. Они так и так приедут намного раньше времени, чтобы встретить лондонский поезд, прибывающий в 16:25.

— Мейбл, Дилли не может бежать быстрее, — отвечает Элино́р. — Сейчас слишком жарко. И потом, она уже довольно старая. Было бы некрасиво ее перенапрягать.

Гнедые бока Дилли потемнели от пота, но она по-прежнему бежит быстро, добросовестно подчиняясь

командам Элинор. Уши лошадки наострены, голова поднята, словно и она вместе с хозяйкой радуется возвращению Роуз. Элинор захлестывает счастье. Она думает, как поделится с сестрой замечательной новостью, и представляет реакцию Роуз. Даже Эдвард пока об этом не знает.

Мейбл надувает губки и отпускает руку матери:

— А сколько Дилли лет?

— Где-то около тринадцати.

— И она старая?

— Пожалуй, для пони это средний возраст.

— Мама, а тебе сколько лет?

— Мейбл, неприлично спрашивать у леди о ее возрасте, — смеется Элинор, наклоняется и целует дочку в макушку. — Но тебе я скажу, только пусть это останется нашей тайной, — говорит она, похлопывая себя по переносице и делая суровое лицо.

Мейбл кивает. Личико малышки тоже принимает серьезное выражение.

— Мне двадцать семь. В общем-то, почти двадцать восемь, — удивленно добавляет Элинор.

Когда же она успела достичь этого уже не юного возраста? Всего год назад ей было двадцать; во всяком случае, так говорят ее ощущения. И почему в двадцать восемь кажешься гораздо старше, чем в двадцать семь? А там и до тридцати рукой подать, сокрушенно сознаёт она. Тридцать лет для женщины — это старость? Мужчина такого возраста считается только-только входящим в расцвет сил, но женщина...

— Какая же ты старая! — восклицает Мейбл. — Значит, ты скоро умрешь, как Пэтч? Мама, но ты же не умрешь, правда?

— Боже мой, конечно же нет! Дорогая, люди живут намного дольше собак и пони. На самом деле для человека я еще очень, очень молодая.

Мейбл заметно успокаивается и задает новый вопрос:

— А тете Роуз тоже двадцать семь?

— Тете Роуз всего восемнадцать и вскоре исполнится девятнадцать, — отвечает Элино́р. — Она получила хорошее образование, достаточно попутешествовала и превратилась в смышленную юную леди, которой твой папа постарается найти обаятельного богатого мужа.

Элино́р закусывает губу. Пожалуй, она сказала много лишнего. Дочка, не понимая смысла слов, по обыкновению перескажет их совсем не тем, кому это надлежит знать. Она бросает взгляд на Мейбл. Та сосредоточенно смотрит на дорогу. Малышка совсем замерла; скорее всего, обдумывает новую порцию вопросов, рождающихся в ее четырехлетнем уме. В нарядном платьице, украшенном желтыми и розовыми цветочками, она выглядит как картинка. Элино́р согласилась с Мейбл: только в таком платье и ехать на станцию встречать тетю Роуз.

Мейбл поворачивается и поднимает взгляд на Элино́р. В глазах малышки — непонятная темнота. Элино́р уже несколько раз замечала эту почти неуловимую темноту, которую она склонна приписать своему воображению. Через мгновение темнота исчезает, и личико Мейбл вновь озаряется.

— Можно, мы споем песенку? — улыбаясь, спрашивает Мейбл.

— Чудесная мысль, — кивает Элино́р.

— Мама, а что мы будем петь?

— Давай подумаем...

Элино́р набирает в легкие побольше воздуха и, подчиняясь ритму цокающих копыт Дилли, начинает раскачиваться и петь. Мейбл быстро присоединяется к ней и тоже раскачивается, выводя припев:

Боже, ну что там могло приключиться?

Что же могло с ним такого случиться?

Боже, ну что там могло приключиться?
С ярмарки Джонни пора б воротиться.

Лент синих охапку купить обещал он.
Лент синих атласных купить обещал он.
Лент синих охапку купить обещал он,
Чтоб в мои дивные косы вплетать...

Всех слов и порядок куплетов Элинор не помнит, а потому придумывает на ходу. Мейбл, похоже, совсем не возражает и радостно, хотя и нестройно подтягивает во всю мощь своего голоса. Дилли шевелит ушами.

Яблок зеленых купить обещал он.
Сочных, хрустящих купить обещал он.
Яблок зеленых купить обещал он,
Чтоб ими могла я себя услаждать¹.

Деревья расступаются. Теперь дорога тянется вдоль поля. У канавы, почти у самой обочины, лениво бродят косматые коровы и телята галловейской породы, помахивая хвостами над своими круглыми и такими же косматыми задами. Поперек туловища у них тянется белая полоса. Обвислые животы елозят по высокой траве. Головы опущены, что неудивительно для столь жаркой погоды. Над ними выются тучи насекомых. Проезжая мимо, Элинор энергично отмахивается от докучливых кровососов. Впереди над дорогой дрожит послеполуденное марево. За полем сквозь кроны деревьев проглядывает островерхий купол далекой церкви.

— Почти доехали, — говорит она Мейбл.

Дочка продолжает напевать себе: «Боже, ну что там могло приключиться?» Эту строчку она повторяет снова и снова, выдерживая небольшие паузы.

¹ Старинная английская детская песенка, появившаяся еще в 1770-е годы. Автор приводит одну из многочисленных версий. — *Здесь и далее примеч. перев.*

В конце поля дорога делает поворот. Появляется здание станции, напротив которого стоит паб «Белый олень». Далее, взбираясь на склон холма и уходя за пределы видимости, раскинулась деревня Мейфилд — типично английская деревня, живописная, утопающая в зелени, с непременно полем для крокета, утиным прудом и майским деревом. Исторические деревянные каркасные дома — некоторые строились еще во времена Тюдоров — тянутся волнами вокруг зеленого сердца деревни, а сама она органично вписывается в красоту холмов Суррея.

Элинор натягивает поводья, и неизменно послушная Дилли замедляет шаг. До поезда остается еще больше десяти минут.

— Тпру! — командует Элинор.

Пони и двуколка останавливаются. Элинор сходит на землю и, не отпуская поводьев, ведет Дилли к поилке за пабом. Пони долго пьет воду, шумно втягивая ее сквозь металлический мундштук. Затем Дилли трет мордой о плечо Элинор, едва не лишая хозяйку равновесия.

— Что, девочка моя, зачесалось?

В ответ Дилли фыркает, вызывая смех Мейбл. Элинор ласково треплет пони по шее и отводит под тень раскидистого бука, что растет вблизи паба. Дилли опускает голову и упирается в ствол задней ногой.

Элинор ссаживает Мейбл с двуколки, чтобы дочка размяла ноги на дорожке. Пока они ждут поезда, Элинор наблюдает за малышкой. Та с восторгом разглядывает жука, затем тянется к пестрому камешку, не переставая щебетать сама с собой. Один или два раза Мейбл прерывает свое щебетание и замирает. Кажется, будто она что-то вспомнила... Потом, через секунду-другую, продолжает исследовать окружающий мир.

— Добрый день, миссис Хэмилтон, — слышится с другого края дороги.

Это Тед, местный почтальон. Помахав ей рукой, он подходит к почтовому ящику за станцией.

— Ну и жаркий сегодня денек! — добавляет Тед, доставая из кармана ключи.

— Не то слово!

Элино́р проводит по лбу рукой в перчатке, словно показывая почтальону, что вот-вот расплавится от жары.

Дверца почтового ящика со скрипом открывается, заслоня голову Теда, который вытряхивает письма в подставленную сумку.

Элино́р лениво наблюдает за Тедом, мыслями уносясь к совсем уж скорому возвращению сестры домой. Как же она соскучилась по младшей сестренке! Роуз — это все, что осталось у Элино́р от детства и прежней семьи, и импульсивное желание держать сестру подле себя, в безопасности, становится почти невыносимым. Возможно, из-за того, что оба их брата погибли на войне, а затем один за другим трагически расстались с жизнью родители, Элино́р, естественно, боится выпускать сестру из поля зрения. Ей понадобилось проявить изрядное великодушие, чтобы позволить Роуз надолго отправиться в Париж. До появления Эдварда они с Роуз были совсем одни в целом мире.

Эдвард так заботливо относится к Роуз. Дорогой Эдвард, какой же ношей явились они с сестрой для него! Женившись, он взял на себя гораздо больше, нежели заботу о жене. И Роуз, конечно же, должна поскорее найти себе мужа и освободить Эдварда от ответственности за двух женщин, особенно когда ожидается пополнение семейства. Рука Элино́р ложится на живот, а глаза перемещаются на Мейбл, которая сидит на корточках под деревом и собирает прутики. Элино́р

пытается представить сестру под руку с обаятельным молодым человеком, и грудь сдавливает от острого ощущения потери.

Она встряхивает головой. Нельзя и дальше удерживать Роуз подле себя. К тому же сестра имеет полное право на семейное счастье. Элинор представляет, какой была бы ее жизнь без Эдварда, и испытывает легкую дурноту.

Первая встреча с Эдвардом глубоко врезалась ей в память. Воспоминание живо рисует ей то время, и у Элинор перехватывает дыхание, совсем как восемь лет назад, в 1920-м. Широкие плечи под ладно сидящей формой, медали, украшающие грудь. Едва взглянув на них, Элинор увидела Военный крест, присуждаемый за особую храбрость. Вошедший был высокого роста. Элинор тогда работала секретаршей в Военном министерстве. Сидя за пишущей машинкой, она смотрела, как мужчина опустился на стул возле кабинета бригадного генерала, и думала, за какие подвиги его могли наградить этим орденом. Проникающие в душу глаза, задержавшиеся на ней чуть дольше, чем положено капитану, явившемуся для демобилизации. Элинор помнит, какое впечатление он произвел на нее. В груди что-то жарко запульсировало; слова, которые она печатала, расплавились и потекли по странице. У нее по сей день сохранились ощущение ласкового весеннего ветерка, дувшего из открытого окна, и шум уличного движения по Хорс-Гардс-авеню. Его пристальный взгляд буквально давил на нее, когда она, с покрасневшими щеками, безуспешно пыталась сосредоточиться на работе. Краешком глаза Элинор видела, как из нагрудного кармана капитан достал записную книжку и авторучку, затем, наморщив лоб в раздумье, начал писать. «Может, он поэт?» — подумалось ей тогда. Или подготавливается к беседе с генералом.

— «Яблок зеленых купить обещал он», — вдруг затягивает Мейбл, глядя на Элинора. — Мама, я правильно пою эту песню?

— Да, дорогая, — рассеянно бормочет Элинора.

Когда Эдвард скрылся за дверью кабинета бригадного генерала, Элинора обнаружила, что у нее сильно бьется сердце, на коже выступил пот, а дыхание стало хриплым. Через какое-то время он снова выйдет в приемную. Сознавая это, Элинора поправила волосы, разгладила блузку и пощипала себя за щеки для появления румянца. Ей показалось, будто прошел не один час, прежде чем он вышел. Элинора признавала всю нелепость положения. Ну кто она? Обыкновенная девушка-секретарша. А он военный, мужчина намного старше ее. Должно быть, ему лет тридцать или даже все тридцать пять. Ей же всего девятнадцать! Вдобавок еще и сирота с сестрой на руках. Такой умный, уверенный в себе, храбрый и обаятельный мужчина, как он, не найдет в ней ничего интересного.

Он вышел, повернулся.

— Удачи вам во всем, — сказал бригадный генерал и так энергично пожал Эдварду руку, что у самого задрожали усы.

«Он из временных джентльменов», — догадалась Элинора. Так называли тех, кого во время войны призывали на офицерскую службу. Теперь он демобилизовался и вернется к своей прежней профессии. «К какой?» — задавалась вопросом Элинора, не в силах отвести взгляд от бравого капитана, который вот-вот покинет приемную. Прежде чем надеть фуражку, он повернулся к ее столу. Его лицо озарила теплая, удивительная улыбка. Проходя мимо, он положил возле машинки сложенную записку. Бригадный генерал, конечно же, ничего не заметил, поскольку явно думал о сотнях других временных джентльменов, которых ему предстояло демобилизовать в ближайшие дни.

Сегодня, в шесть вечера, я буду в кафе «Брю» на углу Уайтхол-плейс. Не могли бы Вы встретиться со мной за чашкой чая? Смеею Вас заверить: мое приглашение является чисто профессиональным.

Искренне Ваш, Эдвард Хэмилтон

После чтения записки у Элинон снова забилося сердце.

Лязгая ключами, Тед запирает почтовый ящик и пристраивает разбухшую сумку в корзину на велосипедном руле. Он поворачивается к Элинон, прикладывает руку к фуражке, словно хочет проститься, но вдруг бросает взгляд за ее спину и громко вскрикивает. Руки почтальона выпускают руль, велосипед шумно падает на землю, письма вываливаются из сумки. Глаза Теда широко распахнуты, рот открыт от изумления. Он указывает на что-то, происходящее под деревом.

Элинон в недоумении оборачивается.

Мейбл! Собранные прутики разлетелись в стороны. Дочь сидит на пыльной земле, лицо искажено гримасой, глаза ввалились. Подбородок малышки опускается на грудь, потом еще раз, ее ручки дергаются.

От ужаса ноги Элинон словно приросли к земле. Ее дочь выглядит одержимой, милое выражение лица исчезло, сменившись отвратительной гримасой. Первым очухивается Тед. Он медленно идет к Элинон, протягивая руки.

— Что с ней такое? — спрашивает почтальон. — Что происходит?..

Его слова выводят Элинон из ступора, и она бросается к дочке.

— Мейбл! — Она подхватывает малышку на руки. Та не реагирует.

— Мейбл! — вскрикивает Элинон.

«Что же с ней творится?» — в страхе думает Элино́р. Кажется, прежняя Мейбл куда-то исчезла, а ее тело заняло странное существо. У Элино́р гудит в голове, паника сжимает ей горло. Она дает Мейбл пощечину. Сильную. Она готова на что угодно, только бы прогнать с лица дочери эту дьявольскую гримасу, это запредельное выражение глаз.

— Может, за доктором сбегать? — слышит она голос Теда, ощущая его руку на плече.

И вдруг лицо Мейбл становится прежним. Глаза останавливаются на Элино́р: затуманенные, полные замешательства. Сердце Элино́р отчаянно бьется, она прерывисто дышит. Земля содрогается у нее под ногами.

— Все хорошо, — шепчет она Мейбл на ушко. — Все в порядке, — повторяет она, отряхивая пыль с волос и платья дочери.

— Миссис Хэмилтон?

Элино́р поднимает голову и видит встревоженное лицо Теда.

— Я спросил, может, за доктором сбегать?

Элино́р вновь поворачивается к дочери, которая засунула в рот большой палец и сосредоточенно его сосет.

— Не надо, — отвечает она, а в голове нет ни одной четкой мысли, почему малышке не нужен врач. — С ней все в порядке. Даже не знаю, что это было. Она...

— Ку-и-и! Элино́р!

Это Роуз.

У Элино́р дрожат ноги. Она выпрямляется и поворачивается в сторону младшей сестры, которая уже покинула перрон и теперь поднимается к ним по склону холма. Роуз широко улыбается из-под гибких полей соломенной шляпки: розовощекая и такая красивая. Образец совершенства. Сестра быстро идет в их

сторону и машет рукой. В другой руке она держит чемодан.

Мейбл ерзает в материнских руках и указывает на Роуз.

Элинор вновь поворачивается к Теду:

— Не беспокойтесь. Мейбл хорошо себя чувствует. Вчера она легла спать позже обычного. Да и устала на жаре, пока ехали сюда. Вот и решила устроить нам маленькое представление. Вы же знаете детей! Мне так неловко, что у вас выпали письма. Мы вам поможем их собрать.

— Я и сам соберу, — отвечает Тед. — Ну раз с вашей малышкой все в порядке...

Судя по его лицу, сам он в этом сомневается.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — повторяет Элинор. — Мейбл в полном порядке. И незачем... совершенно незачем рассказывать об этом кому бы то ни было.

Тед кивает и наклоняется за упавшим велосипедом. Он прислоняет своего железного коня к дереву и принимается собирать разлетевшиеся письма.

— Уже забыл, — говорит он, быстро улыбнувшись Элинор.

Роуз переходит улицу. Последние ярды она пробегает и, бросив чемодан, устремляется к старшей сестре. Шелестит ткань ее красивого хлопчатобумажного платья. От Роуз пахнет цветами. Смеясь, она заключает Элинор в объятия. Мейбл протискивается между ними. Паровозный свисток, доносящийся со станции, заставляет их разомкнуть руки. Над паровозом взвивается облако пара. Уши Элинор наполняются натужным лязгом вагонов трогającegoся поезда. Мейбл слишком тяжелая, и Элинор осторожно опускает дочку на землю.

— Ох, Роуз! До чего же я рада тебя видеть! Даже не слышала, как подошел поезд!

— И я рада, моя дражайшая Элинор. А как там моя любимая племяшка? — Роуз нежно щиплет щеки Мейбл, и девочка застенчиво прячет голову в подол материнского платья. — Как же ты выросла! — Роуз поворачивается к Теду, продолжающему собирать рассыпавшиеся письма. — Что у вас случилось? Вам помочь?

— Благодарю вас, все в порядке. — Он склоняется над почтовой сумкой. — Пострадал от собственной оплошности. Рад вашему возвращению, мисс Кармайкл. Сколько же вы отсутствовали?

— Целых девять месяцев! — со смехом отвечает она. — Можете поверить?

— Добро пожаловать в родные края, — говорит Тед, собирая последние письма. — Ладно, двинусь дальше.

— Да. Тед, спасибо за помощь.

— Надеюсь, с ней все в порядке, — еще раз произносит почтальон и озабоченно косится на Мейбл. — Прекрасного дня вам обоим.

— Счастливо, Тед!

Он перекидывает длинную ногу через велосипедную раму, сгибает колени, чтобы не задеть выпирающую сумку с почтой, и уезжает.

Элинор отстраняется, разглядывая сестру.

— Как ты замечательно выглядишь! — с улыбкой говорит она.

Роуз пополнела. Она буквально пышет здоровьем. Ее голубые глаза лучатся, на щеках румянец. Эдвард без труда найдет ей подходящего мужа.

Элинор наклоняется за чемоданом, оставленным сестрой.

— Забирайся в двуколку, и едем домой. Полагаю, миссис Беллами уже приготовила нам торт «Виктория» с начинкой из клубничного джема. Как ты любишь, Мейбл. И Роуз тоже.

Фейн Л.

Ф 36 Тайное дитя : роман / Луиза Фейн ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 512 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-22830-6

1920-е годы. Англия. Элинор Хэмилтон — счастливая жена и мать очаровательной четырехлетней девочки Мейбл. Эдвард Хэмилтон — известный психолог, активно продвигающий идеи евгеники, призванной бороться с наследственными заболеваниями ради общественного блага. Но когда Мейбл ставят диагноз эпилепсия, все в семье идет прахом. Болезнь Мейбл необходимо скрыть, иначе дело всей жизни Эдварда окажется под угрозой. Обнаружив, что муж утаивает от нее важную научную информацию, Элинор пересматривает свои взгляды на генетическую неполноценность, и ее прежняя вера в непогрешимость мужа рушится. Встревоженная, расстроенная, неспособная больше мириться с ситуацией, она берет дело в свои руки...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИЗА ФЕЙН
ТАЙНОЕ ДИТЯ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.03.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22,56.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

H-MBB-31775-01-R